

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

В погоне за мясом

Темный хвойный лес высился по обеим сторонам скованного льдом водного пути. Пронесшийся незадолго перед тем ветер сорвал с деревьев белый снежный покров, и в наступающих сумерках они стояли черные и зловещие, как бы приникнув друг к другу. Бесконечное молчание окутало землю. Это была глушь — безжизненная, недвижимая, и до того здесь было холодно и одиноко, что даже не чувствовалось грусти. В этом пейзаже можно было подметить скорее подобие смеха, но смеха, который страшнее скорби, смеха безрадостного, как улыбка сфинкса, холодного, как лед. То вечность, премудрая и непреложная, смеялась над суетностью жизни и тщетой ее усилий. Это была пустыня — дикая, безжалостная северная пустыня.

И все же в ней была жизнь, настороженная и вызывающая. Вдоль замерзшего водного пути медленно двигалась упряжка ездовых собак. Их взъерошенная шерсть была покрыта инеем. Дыхание, выходявшее из их пасть, тотчас же замерзало в воздухе и, осаждаясь в виде

пара, образовывало на их шерсти ледяные кристаллы. Они были в кожаной упряжи, от которой тянулись кожаные постромки, волочившие за собой сани. Нарты не имели полозьев; сделанные из толстой березовой коры, они всей своей поверхностью лежали на снегу. Передний конец их был несколько загнут кверху, что давало возможность подминать под себя верхний, более мягкий слой снега, пенившийся впереди, точно гребень волны. На нартах лежали крепко привязанный узкий длинный ящик и еще кое-какие вещи: одеяло, топор, кофейник и сковорода, но в первую очередь бросался в глаза продолговатый ящик, занимавший больше всего места.

Впереди на широких канадских лыжах шел, пробивая дорогу собакам, человек. За нартами шагал его спутник, а на нартах в ящике лежал третий, путь которого был закончен. Пустыня, победившая и сразившая этого человека, навсегда лишила его возможности двигаться и бороться. Северная пустыня не терпит движения. Жизнь оскорбляет ее, потому что жизнь — это движение, а вечное стремление пустыни — уничтожить движение. Она замораживает воду, чтобы остановить ее течение к морю; она выгоняет сок из деревьев, пока они не промерзнут до самого своего мощного сердца, но всего свирепее и безжалостнее давит и преследует пустыня человека, самое мятежное проявление жизни, вечный протест против закона, гласящего, что всякое движение неизменно приводит к покою.

Впереди и позади нарт, бесстрашные и неукротимые, шли те два человека, которые еще не умерли. Они были закутаны в меха и мягкие дубленые кожи. Брови, щеки и губы у них были так густо покрыты инеем, осевшим на лица от морозного дыхания, что черты их почти невозможно было различить. Это придавало им вид каких-то замаскированных привидений, провожающих в загробный мир еще одно привидение. Но под этими

масками были люди, желавшие проникнуть в царство отчаяния, насмешки и безмолвия, маленькие существа, стремившиеся к грандиозным приключениям, борющиеся с могуществом страны, далекой, чуждой и безжизненной, как бездны пространства.

Они шли молча, сберегая дыхание для тяжелой работы тела. Надвинувшаяся со всех сторон тишина давила на них своим почти осязаемым присутствием. Она давила на их мозг подобно тому, как воздух силой многих атмосфер давит на тело спустившегося в глубину водолаза, давила всей тяжестью бесконечного пространства, всем ужасом неотвратимого приговора. Тишина проникала в самые глубокие извилины мозга, выжимая из него, словно сок из винограда, все ложные страсти и восторги, всякую склонность к самовозвеличиванию; она давила так, пока люди сами не начинали считать себя ограниченными мошками, ничтожными крупинками, затерявшимися со своей жалкой мудростью и близоруким знанием в вечной игре слепых стихийных сил.

Прошел час, другой... Бледный свет короткого бессолнечного дня почти померк, когда в тихом воздухе вдруг раздался слабый отдаленный вой. Он быстро усиливался, пока не достиг высшего напряжения, а затем протяжно прозвучал, дрожащий и пронзительный, и снова медленно замер вдали. Его можно было бы принять за вопль погибшей души, если бы не резко выраженный оттенок тоскливой злобы и мучительного голода. Человек, идущий впереди, оглянулся, и глаза его встретились с глазами шедшего сзади. И, переглянувшись поверх узкого продолговатого ящика, они кивнули друг другу.

Второй вой острой иглой пронзил тишину. Оба спутника определили направление звука: он шел откуда-то издалека, из снежной равнины, которую они только что оставили позади. Тут же раздался третий вой, но чуть левее от второго.

— Билл, они преследуют нас, — сказал человек, идущий впереди.

Голос его звучал хрипло и неестественно, и говорил он с видимым усилением.

— Мясо стало редкостью, — ответил его товарищ. — Вот уже несколько дней, как нам не попадался след зайца.

После этого они замолчали, продолжая чутко прислушиваться к вою, раздававшемуся сзади, то тут, то там.

С наступлением темноты они направили собак к группе елей, высившихся вдоль дороги, и остановились на ночлег. Гроб, поставленный около костра, служил им одновременно скамьей и столом. Собаки, сбившись в кучу у дальнего края костра, рычали и грызлись между собой, не обнаруживая ни малейшего стремления порыскать в темноте.

— Мне кажется, Генри, что они что-то чересчур усердно жмутся к костру, — сказал Билл.

Генри, сидевший на корточках около костра и опускавший в этот момент кусочек льда в кофе, чтобы осадить гущу, кивнул. Он не произнес ни слова, пока не уселся на гроб и не принялся за еду.

— Они знают, где безопаснее, — ответил он после паузы, — и предпочитают есть сами, а не становиться пищей для других. Собаки — умные животные.

Билл покачал головой.

— Ну, не знаю...

Товарищ с удивлением посмотрел на него.

— В первый раз слышу, что ты не признаешь за ними ума, Билл!

— Генри, — ответил тот, задумчиво разжевывая бобы, — ты заметил, как они вырывали сегодня друг у друга куски, когда я кормил их?

— Да, — согласился Генри, — злее, чем обычно.

— Сколько у нас собак, Генри?

— Шесть.

— Хорошо, Генри... — Билл на минуту замолчал, чтобы придать своим словам еще больше веса. — Так, у нас шесть собак, и я взял из мешка шесть рыбин. Я дал каждой по рыбе и... Генри, одной рыбы мне не хватило!

— Ты ошибся в счете!

— У нас шесть собак, — хладнокровно повторил Билл. — И я взял шесть рыбин, но Одноухий остался без рыбы. Я вернулся и взял из мешка еще одну рыбу.

— У нас только шесть собак, — проворчал Генри.

— Генри, — продолжал Билл, — я не говорю, что это все были собаки, но получили по рыбе семеро.

Генри перестал есть и, глядя сквозь огонь, пересчитал глазами собак.

— Их только шесть, — сказал он.

— Я видел, как одна убежала по снегу, — заявил Билл и упрямо повторил: — Их было семь.

Генри сочувственно посмотрел на него.

— Знаешь, Билл, я буду очень рад, когда это путешествие закончится.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Мне кажется, эта обстановка начинает действовать на нервы и уже мерещатся несуществующие вещи.

— Я сам думал об этом, — серьезно заметил Билл, — и поэтому, когда она убежала, тщательно осмотрел снег и нашел ее следы. Затем я внимательно пересчитал собак: их было только шесть. Следы еще сохранились на снегу. Хочешь, я покажу тебе их?

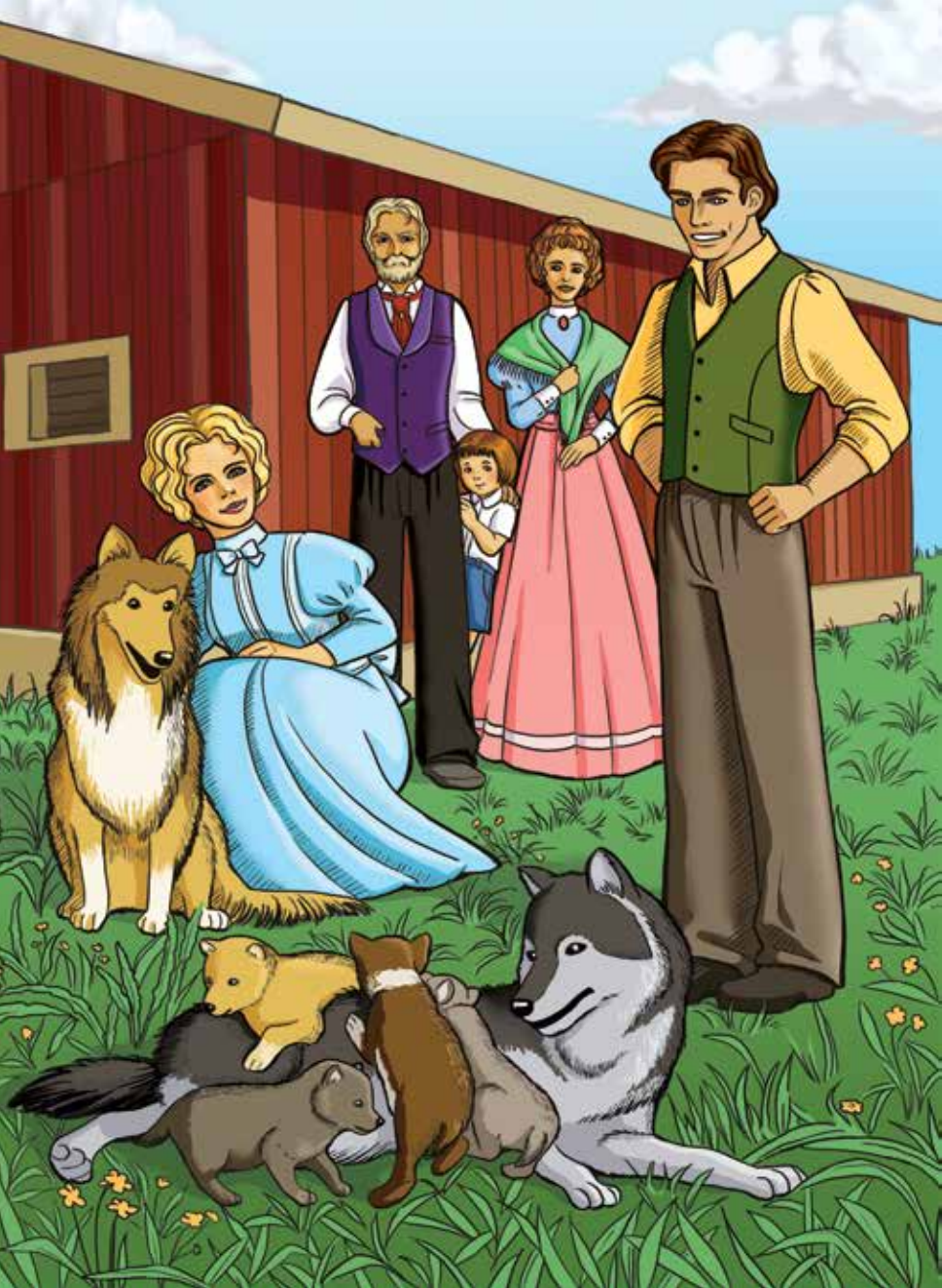
Генри ничего не отвечал, продолжая жевать. Закончив есть, он выпил кофе и, вытерев рот тыльной стороной руки, сказал:

— Значит, ты думаешь...

Протяжный злоеющий вой, раздавшийся откуда-то из темноты, прервал его.

*Белый Клык подошел к жене любимого хозяина...
и схватил ее зубами за платье.*

*Щенки подползли к нему,
и он разрешил им влезть на себя и покувыркаться.*